

Спасение утопающих – дело ног самих утопающих

Независимая газета. – 2002 – 28 февр. – с. 8.

Так думает хореограф Александр Пепеляев, глядя на положение современного танца в России

Майя Крылова

Недавно в Москве прошел фестиваль современного танца «Цех» – отборочный этап всеевропейского форума «контемпорари данс» во Франции. По замыслу куратора фестиваля, московского хореографа Александра Пепеляева, это мероприятие – некий рубеж, знаменующий новый этап развития российского искусства актуального телодвижения.

Саша, у тебя своя труппа – «Кинетический театр». Но ходят слухи, что Пепеляев замахнулся на создание некой общенациональной организации современного танца...

– Я никогда не рвался к административной деятельности, это, скорее, жесткая необходимость. Хотя российскому современному танцу не так много лет (пятнадцать максимум), но уже выросло поколение зрителей, к этому танцу привычных и его ждущих. А облеченные властью лица думают, что раз есть Большой театр и ансамбль Моисеева, то и не надо ничего больше.

Сейчас ситуация меняется, московский Комитет по культуре намерен поддержать столичные коллективы современного танца. Независимые труппы смогут получить гранты на постановки. Я знаю, что одна заявка уже удовлетворена – Геннадий Абрамов получил грант под проект «Мышь в горохе». Это отрадно.

Александр Пепеляев репетирует.

– Уже есть название: агентство танца «Кода-А», идет юридическое оформление статуса. Мы провели два серьезных мероприятия: российскую летнюю школу и фестиваль «Цех». Но надо создавать общероссийскую ассоциацию, которая пропагандировала бы современный танец. Будучи руководителем труппы, я могу искать средства на постановку, как глава агентства – на фестиваль, а в качестве

Хватит современному танцу существовать как частной инициативе. Хватит быть нелегалами.

– А что говорит западный опыт?

– Существуют две линии: линия государственных театров и линия театров независимых, с меняющимися составами и идеями. Работают две модели – американская и европейская. В Америке это прежде всего частные фонды, а в Европе больше доля государства. В Нидерландах существует государственный Институт танца, и в этот институт любой может подать заявку на грант. Та же модель во Франции, только еще более мощная. Когда у них в 70-х начал развиваться современный танец, они поняли, что это может стать одним из способов национального самоопределения. И создали систему хореографических центров.

Но мы и сами можем зарабатывать деньги. При центре могут быть заведения, приносящие доход: кафе, клуб, магазин. Сейчас вообще для раскрутки самое время. Западные люди, которые занимаются «контемпорари», говорят, что у них все уже творчески застыло, а вот у нас – все бурлящее и живое.

А я сейчас хочу поставить «Лебединое озеро»...

– Ты в очередной раз поиздеваешься над лебедями?

– А я не про лебедей ставлю. Я хочу исследовать, как данное явление влияло на умы и сердца в тоталитарной стране. Классический балет мне не враг. Но у меня серьезные претензии к его драматургии. Ну совсем уж сильно она не совпадает с современным мышлением.

– А что есть современное? Судя по тому, что было показано на «Цехе», понятие «современная хореография» безразмерно. В него входит все, что танцуется невыгодно и не на пуантах.

– Современный танец – это глобальная театральность и абсолютная невербальность.

– Так можно сказать и про балет.

– Балет – это смена танцевальных кульминаций, от одного дивертисмента к другому. В нем много иллюстративности. А в «контемпорари» полное отсутствие нарратива. Хотя ты сейчас скажешь, что и у Баланчина тоже нет повествования...

– Скажу, потому что ты описываешь вторичные признаки. По-моему, современный танец – это прежде всего отсутствие пластического и фабульного идеализма, жесткая трезвость взгляда и открытость всему. В отличие от классики, в которой вся танцевальная геометрия стремится к гармонии, а значит, к законченности.

– Правильно. Поэтому современный танец – это прежде всего концепция, рассказ о себе и своем времени. Оттого в «контемпорари» все быстро меняется, он постоянно «здесь и сейчас». Такое качество было во всех работах «Цеха». И у нас другой зритель. Он должен многое додумывать сам, не почивая на лаврах чистого созерцания. Современный танец очень соответствует обществу, которое хочет уйти от постоянных разъяснений и указаний, как жить.

– Но главная проблема российского танца – это низкий исполнительский уровень. С этим-то что делать?

– Вопрос техники важен, и мы хотим регулярно повышать квалификацию в будущем центре. Но все-таки это второй вопрос. Когда у современного танца в России будет нормальная сцена, он отпадет сам собой.

Наш зритель не должен почивать на лаврах чистого созерцания

Но если развивать эту модель, то необходим Центр современного танца. Такие центры существуют везде, это многоцелевые учреждения: прокатная площадка, гастрольное и рекламное агентства, библиотека, архив и, главное, место, где проводятся мастер-классы, фестивали, конкурсы. Вот созданием такого центра я сейчас и занимаюсь.

– Получается?

– ве представителя ассоциации – на сеть фестивалей. Это важно – современный танец живет именно фестивалями.

Во время «Цеха» состоялась конференция деятелей танца России из Петербурга, Екатеринбурга, Челябинска, Калининграда, Саранска. Все главные практики «контемпорари» изъявили желание вступить. Мы встречались с Калягиным, СТД в принципе дал согласие быть учредителем.